

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Софи Марсо — высокая стройная девочка, лихо владеющая шпагой, отчаянная до неприличия, веселая и дерзкая, пленила сердце Бертрана Тавернье, и он взял ее без проб на главную роль в своем шлягере под названием "Дочь Д'Артаньяна". И она пошла по кривой дорожке славы и удач со шпагой наперевес, и ее темные глаза сияли. Обаяние — залог счастья в вероломной экранной жизни. Сердце отечественных телезрителей Софи Марсо пленила образом чувственной, строгой и умной "Студентки" середины восьмидесятых, которая и сейчас еще собирает полные залы в маленьких курортных кинотеатрах.

Сегодня "студентке" — тридцать. И она недавно снялась в фильме Бернара Роза "Анна Каренина" по мотивам романа Льва Толстого.

Еженедельник "Пари-матч" опубликовал интервью с молодой актрисой. И хотя наша газета в последнее время уже не раз писала об этой работе Марсо, новое интервью с ней, которое мы перепечатываем с некоторыми сокращениями, несомненно, представит интерес для читателей.

— Итак, новая роль для Софи

СОФИ МАРСО:

Анна Каренина — это я

Культура. — 1997. — 18 сент. — с. 74

Марсо: Анна Каренина. Великая роль из великого русского репертуара. Было бы интересно расспросить вас о ней.

— Анна — женщина из высшего света. Женщина, живущая по классической системе ценностей XIX века, которая предполагала многое. Но не свободу духа. Любовь обличалась строгими и чрезвычайно любопытными взорами посторонних. И вот эта женщина, не ведавшая любви, влюбилась. Влюбилась во Вронского. И оказалось, что для нее, послушной жены и замечательной матери, не существует ничего, кроме любви. Любви до предела, до отчаяния.

— Что значит любовь до отчаяния?

— Это значит, что даже материнский инстинкт, который вроде бы превыше всего мирского, вдруг оказался "на задворках". И Анна оставила ребенка ради того, кто оказался в сущности ее не достоин.

— Вы сама — мать. Смогли бы вы поступить так же, как Анна, отдавшись страсти?

— Меня никто никогда не ставил перед выбором! Сейчас речь о другом: сам создатель, автор, всегда знает о жизни и смерти

чуть больше, чем его персонаж. Самые страшные, самые нелепые чувства и поступки проходят перед его глазами. И он впитывает эту энергетику, даже если она идет ему во вред. Даже если она претит его сознанию и сердцу. Сегодня я — создатель Анны Карениной. Я — немного Лев Толстой. Я в ее шкуре. Я — ее собственность. Хочу того или нет. Иными словами, Анна Каренина — это я. И в этом признании меньше кокетства, чем в аналогичном флюберовском, ибо женщина говорит про женщину. И это признание сжигает и разрушает.

— Роль Анны оставила на вас не просто печать — клеймо!

— Да, клеймо. Режиссер Бернар Роз, сохраняя текст Толстого, сумел сделать из героини женщину, которая могла бы жить и в наши дни. То есть дух эпохи XIX века остался, но Анна сделалась современнее. Поэтому мне легче было переступить тот временной водораздел, который лег между блестящей минувшей эпохой и нынешними днями. Я думаю, что Толстой — современник любой эпохи. И дело не в моем восторженном к нему отношении, видимо, это свойство большого таланта — быть современ-

ным. Я банальна, но очень хочется произнести: быть созвучным.

— Во французской литературе вы не встречали столь же сильных мотивов трагедии?

— Встречала, но не часто. Правда, я только что цитировала "Мадам Бовари". Но вряд ли рискну сравнить ее со своей героиней. Мне кажется, что наш менталитет предпочитает больше заниматься формой — безупречное владение пером, изысканные словеса, игра фраз. Вот чем ценится великая французская литература прежде всего. А настоящая трагедия со всей глубиной, с кошмаром, который, медленно вымучивая душу, проходит по всем ее лабиринтам, — это удел русского искусства. Русское искусство черпает из трагедии вдохновение. А может быть, я говорю так, потому что иноязычная драма, даже если ты погружаешься в нее, всегда воспринимается отстраненнее той драмы, которая рождается на языке твоих родителей. В чем трагедия Эммы Бовари? Она легко поддается пересказу: мать двоих детей оставляет мужа и семью ради соблазителя, который покидает ее, лишь только она перестает внушать ему

прежнюю страсть. Конечно, обе истории — французская и русская — похожи. Но в чем-то французская и банальнее, и проще, и повседневнее. Финал драм одинаково ужасен. Но душа Эммы не подвергается такой вселенской ломке, как душа Анны. Эмма оскорблена и брошена. А Анна выкинута своей страстью из того мира, каким был для нее дом, свет, общество. Выкинута из своей вселенной. Она, словно одинокая звезда, изгнанная и блуждающая.

— Вам пришлось сниматься в чужом городе, в русском городе. Тяжело ли было делать вид, что этот город — ваша родина? Родина Анны, героини?

— Санкт-Петербург обладает такой магией, что почти не чувствуешь перехода из одного языкового пространства в другое. Вокруг — фантомы. Дух Пушкина, Гоголя, Толстого. Мне только жаль, что я не сумела описать свои сиюминутные ощущения.

— Ну да вы ведь пишете!

— Не то что пишу, скорее, фиксирую мысли, фразы, складываю из них образы. Это что-то очень личное, немного похожее на ведение дневника. Люблю описывать путешествия, поездки. Пишу веселые письма своему маленькому сыну, он прочтет их со временем.

— Сын был при вас во время съемок?

— Конечно, я никогда с ним не расстаюсь. Сама укладываю его спать и рассказываю ему сказку. Каждый раз новую — представляю выход своему литературному дарованию, ибо импровизация, по-моему, — один из самых сложных жанров словесности! Я еще ни разу не повторилась! С удовольствием бы записывала свои сказки, но у меня на это нет времени.

— Вернемся к вашей новой работе в кино: как критики встретили ее?

— Кто-то невзлюбил мою Анну с первого взгляда, кто-то пленился ею. Критика верна себе.

— Однако французы любят вас. Я помню, кто-то из первых перьев Парижа назвал вас новой Жанной Д'Арк.

— Да? Если бы дело было только в той любви, которую испытывают к тебе критики или зрители! Она льстит. Конечно. Но не сокращает списка претензий к себе. С другой стороны, неурядицы и недовольство собой помогают жить. Желание приблизиться к тому кумиру, который творят из тебя ближние, — тоже частичка смысла жизни. И не самая маленькая.

Материал
подготовила
Натэла МЕСХИ

Кадры из фильма "Анна Каренина"

Фото из журнала "Пари-матч"